

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА КОНИЦКАЯ
Вильнюсский университет

К проблеме сопоставительного описания словообразования наречий словенского и русского языков

При сопоставительном изучении русского и словенского словообразования вопрос об описании языковых систем на основе единой теоретической базы стоит достаточно остро, хотя основные принципы контрастивного анализа словообразования славянских языков в целом можно считать разработанными. Важнейшими из них являются, несомненно, требование использовать при анализе сравниваемых языков единый понятийный аппарат и необходимость придерживаться определенной иерархии уровней сравнения (а) *частеречная отнесенность производного слова*, б) *способ словообразования*, в) *частеречная принадлежность мотивирующего слова*, г) *словообразовательная категория* как единство словообразовательного значения и системы средств его выражения, и, наконец, д) *словообразовательный тип*, см. статьи М. Кнапповой, В.В. Лопатина, Г.П. Нешименко в [Сопоставительное изучение 1987]).

В словенском языкознании XX в. образование наречий анализировалось прежде всего с учетом диахронического аспекта [см.: Vajec 1954]; с позиций синхронного словообразования много написано Й. Топоришичем, в настоящее время словенское словообразование плодотворно исследуется на синтаксической основе в работах [Vidovič Muha 1988; 2000], однако полного и непротиворечивого описания синхронической системы этого уровня языка пока не создано. Для демонстрации этого утверждения ограничимся несколькими примерами.

В словенских грамматиках [Slovenska slovnica 1956, 254, 256; Toporišič 2000, 231] отмечается, что сращение словосочетаний является довольно продуктивным способом образования наречий, напр.: *sevéda*, *vsé povsód*, *ón stran*, *tólikodanè*, *čézinčéz/čéz in čéz¹*, *kdóvé/kdó vé* и др. При этом наречиями в грамматике Й. Топоришича считаются как бесспорные сращения (напр., *sevéda*, *vsééno*), так и такие единицы, в

составе которых четко выделяются отдельные лексемы, ср.: *sèmintjá/ sèm in tjá, vrágsigavédi/vrág si ga védi*. Аналогично эти единицы трактуются в словаре словенского литературного языка [SSKJ 1995], который включает в наречия такие формы, как *kàrsedál/kàr se dá, svó/ j čas/svój čas, bógváruj/bóg váruj*. Соотносимые с указанными словенскими лексемами и словосочетаниями русские образования типа *сейчас, тот-час, крест-накрест, молодо-зелено, на все руки, чуть свет* и под. интерпретируются в русском языкознании либо как наречия, возникшие в результате исторического процесса сложения слов, либо как идиоматические выражения [Виноградов 1972, 291, 301, 306]; при этом основным критерием цельнооформленности с синхронической точки зрения является одно ударение³. Поскольку в словенском языке допустимо наличие двух ударений в слове, этот показатель не мешает рассматривать такие единицы как одно слово⁴.

Аналогичная проблема возникает и при интерпретации генетических композитов словенского языка типа *pozimi, spočetka, dodobra*, сопоставимых с рус. *домла, сначала*. В русском языкознании наречия такого типа рассматриваются как префиксально-суффиксальные образования, причем их суффиксы считаются омонимичными падежным флексиям мотивирующих слов, а префиксы — предлогам [РГ 80, 398]. В теоретических же описаниях словенского языка такие единицы трактуются либо как образованные морфемным способом “наречия с основой — предложным сочетанием” (*prislovi iz predložnozvezne podstave* [Toporišič 2000, 229]), либо как композиты⁵. Между тем такие образования принципиально не отличаются от русских наречий типа *наудачу, докрасна*, и принятая в русском словообразовании трактовка (генетически) предлога как приставки, а финали (генетически окончания) — как суффикса кажется вполне допустимой для словенской словообразовательной системы, во всяком случае для наречий типа *poleti, kvišku, zdoma*⁶.

Сказанное выше позволяет полагать, что при выборе теоретической базы сопоставительного изучения словенского и русского словообразования целесообразно использовать выработанную в русском языкознании теорию, представленную в трудах В.В. Виноградова, Е.А. Земской, А.Н. Тихонова, В.В. Лопатина, а также в [РГ 80, 133–142, 398–411]. В качестве иллюстрации продуктивности такого подхода далее будут рассмотрены некоторые аспекты словообразования русских и словенских наречий⁷ с точки зрения: 1) типа отношений между производящей и производной основой; 2) словообразовательных категорий отадективных наречий.

1. В обоих языках довольно широко представлены наречия с транспозиционным (рус.: *быстрый – быстро*; слов.: *hiter – hitro*) и мутационным словообразовательным значением (рус.: *осень – осенью*, слов.: *jesen – jeseni*). В русском языке выделяются наречия с модификационным словообразовательным значением слабой степени признака, названного мотивирующим словом, напр.: *рано – рановато*, и наречия с модификационным экспрессивным значением, напр.: *пешком – пешочком, украдкой – украдочкой, быстро – быстренько*, причем эти типы являются продуктивными: так, число наречий с суффиксом *-оват/-еват-*, по данным А.Н. Тихонова и Е.Н. Лагутовой, превышает 300, а группа слов с суффиксом *-оньк/-еньк-* насчитывает более 60 слов [Тихонов, Лагутова 1978, 92].

В словенском языке модификационное значение слабой степени признака не представлено, а экспрессивное значение выражено в наречиях непродуктивного типа с формантом *-(e)ce*: *malce, natihce, potihce, rahlece, narahlece*⁸ (перечислены все наречия этого типа из SSKJ; Й. Топоришич [Toporišič 2000, 408] приводит также наречие *tankice* и отдельное образование на *-čko*: *drobenčko*, не зафиксированные в SSKJ).

Модификационное значение усиления признака в русском языке представлено лишь в сочетании с транспозиционным значением, напр.: *(строго)-настрога*, и в сочетании с экспрессивным значением, напр.: *скорёшенько*. В словенском языке значение усиления признака выражается наречиями, образованными продуктивным префиксальным типом с морфемой *pre-*, напр.: *prenalahko, prenadolgo, prenaglas, prenaogosto, prenaširoko, prekmalu* и др.⁹

2. Словообразовательные категории, образованные единством словообразовательных значений и включающие в себя различные словообразовательные типы, имеют в сопоставляемых языковых системах как общие, так и специфические черты. Специфику каждого из языков можно продемонстрировать на примере словообразовательных категорий отадъективных наречий, составляющих в обоих языках большие группы¹⁰.

Как в русском, так и в словенском языке у отадъективных наречий выделяются следующие значения: 1) транспозиционное, при котором значение признака, присущее мотивирующему прилагательному, совмещается со значением наречия как части речи (рус.: *светлый – светло*, слов.: *svetel – svetlo*); 2) мутационное, включающее значения: а) доведенность до признака, названного мотивирующим словом (рус.: *белый – добела*, слов.: *dober – dodobra*); б) исходжение от

пространственного или временного признака, названного мотивирующим прилагательным (рус.: *старый* – *исстари*, слов.: *mład* – *zamlada*).

Различия между языками состоят в том, что в русском языке у отадективных наречий выделяется мутационное значение направленности к признаку, названному мотивирующим прилагательным (рус.: *налево*, *направо*), в то время как соответствия этих русских наречий в современном словенском языке не образуют отдельной модели со специфическим оформлением, а включаются в продуктивный тип наречий на *-o* с транспозиционным значением: *desni* – *desno*, *levi* – *levo*, ср.: *ruski* – *rusko*, *kmečki* – *kmečko*.

В русском языке выделяется также сравнительное значение у наречий, по форме производимых продуктивным префиксально-суффиксальным способом от основ относительных прилагательных, а по смыслу соотносимых с существительными, лежащими в основе прилагательных, напр.: *дачный* – *по-дачному* ‘как на даче’; *цирковой* – *по-цирковому* ‘как в цирке’; *медвежий* – *по-медвежьи* ‘как медведь’ [Земская 1973, 301]. Соотносимые с ними словенские наречия с тем же значением образуются продуктивным префиксальным способом от наречий, напр.: *gorjansko* – *po gorjansko*, *gosposko* – *po gosposko*, *očetovsko* – *po očetovsko*¹¹, то есть не включаются в группу отадективных образований.

В свою очередь, у словенских наречий можно выделить отсутствующие у русских наречий мутационные значения: а) временной соотносительности с признаком, названным мотивирующим словом, реализуемое непродуктивными префиксально-суффиксальными словообразовательными типами с формантами *po-+em*: *jutrišnji* – *pojutrišnjem*, *pojutrišnji* – *popojutrišnjem*; *pred-+im*: *lanski* – *predlanskim*, *sinočni* – *predsinočnim*, *včerašnji* – *predvčerašnjim*; б) очередности, выражаемое суффиксальным непродуктивным типом на *-ič*: *zadnji* – *zadnjič*, *naslednji* – *naslednjič* (ср. также: *slednjič*, *prihodnjič*, *drugič*).

Таким образом, мутационные словообразовательные значения словенских и русских отадективных наречий далеко не тождественны, хотя пересекаются.

Для выражения тождественных значений в русском и словенском языках используются как сходные, так и значительно различающиеся словообразовательные типы.

А. Транспозиционное значение в обоих языках выражается суффиксальными и конфиксальными (префиксально-суффиксальными) наречиями.

В русском языке это:

- суффиксальные наречия: высокопродуктивные типы с суффиксами *-о/-е* (*смело, весело, искренне*); *-и* (*хозяйски, творчески, детски*)¹², *фазаньи, волчьи*); непродуктивный тип с суффиксом *-ком/-иком* (*тайком, пешком, босиком, прямиком, целиком*), в этот тип включаются и отдельные образования с суффиксальными морфами *-ом* (*пехом*), *-ём* (*живьем*), *-няком* (*особняком*), *-ишом* (*нагишом*); единичное образование с суффиксальным морфом *-остью* (*полностью*);

- префиксально-суффиксальные наречия: продуктивные типы с формантами: *по-+аму/-ему* (*по-местному, по-хорошему*); *по-+и* (*подружески, по-дурацки, по-бабьи*); менее продуктивный тип с формантами *в-+ую* (*вхолостую, вручную, вслепую, вкрутую, вплотную*), непродуктивные типы с формантами: *по-+у* (*попусту, поровну, подолгу*), *в-во-+е* (*вечерне, вполне, вскоре, втайне, вообще*), *в-+и* (*взаперти, вблизи*)¹³, *из-/ис-+а* (*искоса, изредка*), *на-+о* (*наново, набело, начерно*), *за-+о* (*замертво, заживо, заново*)¹⁴, *на-+е* (*навеселе, налегке, наравне*), *на-+ую* (*напрямую, начистую, наудалую*), *с-+а* (*снова, слегка, спроста*), единичными образованиями с формантами *на-+ик* (*напрямик*), *под-+ую* (*подчистую*);

- непродуктивный префиксальный тип с нулевым суффиксом: *все-ррез, вкось, встарь, виширь, вдоволь, вровень, вкривь*.

В словенском языке для передачи транспозиционного значения используются:

- суффиксальный продуктивный тип с суффиксом *-о/-е* (*slovensko, lepo, vroče, opičje, otročje*); непродуктивные типы с формантом *-ома* (*tihoma, nagloma, redkoma, plahoma*), *-и* (*ritenski, hrbtnski, zadenjski, slovenski, prijateljski, neprijateljski*);

- префиксально-суффиксальные наречия с формантами *по-+ома* (*poredkoma, potihoma, polahkoma, podolgoma*)¹⁵, *на-+ома* (*nanagloma, natihoma, nahitroma, natesnoma*)¹⁶, *по-+ем* (*podolgem/po dolgem, pomalem/po malem, poredkem/po redkem, potihem/po tihem*), *на-+ем* (*natihem/na tihem*), *z-/s-+а* (*zredka, zlahka, zgrda, zdoobra, stežka, stihha, scela*)¹⁷, *z-/s-+ома* (*zlahkoma, stežkoma, sceloma*) (все типы непродуктивны); единичные образования с формантами *по-+иç* (*podolgiç*), *в-+иç* (*vnoviç*), *на-+ст* (*naravnost*)¹⁸.

- единичные префиксальные образования с нулевым суффиксом: *parošev, podolž*, а также архаичное *vnov*.

В обоих языках наиболее продуктивным является суффиксальный тип на *-о/-е*. Однако эквивалентные на первый взгляд словообразовательные типы русского и словенского языков различаются характером производящей основы: русские образования на *-о/-е* возможны

только от качественных прилагательных, тогда как соответствующие словенские — от любых прилагательных, напр.: *dober – dobro, nemški – nemško*.

В обоих языках представлен тип, в котором суффикс генетически является окончанием творительного падежа: в русском языке — ед. ч. *-ом*, в словенском — дв. ч. *-oma*, см. подробнее [Markov 1989]. Продуктивность словенского суффиксального типа выше, чем соответствующего русского.

Конфиксальные типы в русском и словенском языках отличаются в формальном отношении: в словенском отсутствуют соответствия продуктивных русских типов с формантами *no-+ому/-ему, no-+и* и непродуктивных типов с префиксом *в-*. В соответствии с русскими наречиями с конфиксом *no-+и* в словенском языке выступают наречия на *-о* или же образованные от них наречия типа *po rusko, po slovensko*. В обоих языках есть конфиксальные типы с формально тождественными префиксами: рус. *на-* ~ слов. *na-*, однако суффиксы, объединенные в комплекс с этими префиксами, различаются: в русском языке это *-о, -е, -ую, -ик*, в словенском языке — *-em, -oma*. Словенские наречия типа *nanovo, nalahko, naredko, narahlo, nahitro*, внешне сходные с русскими префиксально-суффиксальными отадъективными формами типа *наново, набело*, образованы от наречий *novo, lahko* и т.д.¹⁹, то есть не являются отадъективными.

Непродуктивный в русском языке тип с формантами *с-+-а* соответствует словенскому с формантами *z-/s-+-а*, более продуктивному по сравнению с русским, а словенские наречия на *iz-+-а*, соответствующие непродуктивному русскому типу с формантами *из-/uc-+-а*, в словенском языке являются архаичными, напр.: *iznova, iztiha*.

Б. Мутационное значение доведенности до признака, названного мотивирующим словом, в русском языке реализуется непродуктивным префиксально-суффиксальным типом с формантами *до-+-а* (*допоздна, допьяна, доназа, досуха*) и продуктивным типом с формантами *на-+-о* (*насухо, начисто, накрепко, надолго*). В словенском языке это значение реализуется продуктивным префиксально-суффиксальным типом с формантами *do-+-а* (*docela, dočista, dogrda, domala, dodobra, domehka, dosita, dosuha*); в эту же словообразовательную категорию следует, очевидно, отнести непродуктивный тип с формантами *k-+-и* (*kvečjemu*), *na-+-е* (*nazadnje*)²⁰.

Значение исхождения от признака, названного мотивирующим прилагательным, в русском языке представлено в непродуктивных префиксально-суффиксальных типах с формантами *из-/uc-+-а* (*издавна, исчужа, издалека*), *с-+-а* (*свысока, сглупа, смлада, спьяна*),

c-/co-+у (*сдуру, смалу, смолоду, сослепу*), *сыз-+а* (*сызмала, сыздавна*), единичных образованиях с *в-+ах* (*вгорячах*), *из-+е* (*издревле*), *из-/ис-+и* (*исстари*). В словенском языке это значение реализуется непродуктивным префиксально-суффиксальным типом с формантами *z-/s-+а* (*zmlada, zmala, zlepa, scela*) и единичным образованием с формантами *od-+а* (*odmlada*)²¹.

В словообразовании словенских наречий с мутационным значением выделяется только один продуктивный тип с формантами *do-+а*, формально соответствующий непродуктивному русскому типу с формантами *до-+а*. Русские наречия со значением исхождения от названного прилагательным признака отличаются гораздо большим разнообразием формальных средств по сравнению со словенскими, хотя в обоих языках словообразовательные типы наречий с этим значением непродуктивны.

Таким образом, использование основных положений теории словообразования, разработанной на русском материале, позволяет также адекватно описать особенности образований словенского языка и провести сопоставительный анализ этих языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В словенском языке допустимо двоякое написание некоторых наречий; в статье приводятся обе формы.

² В словенском языкознании можно найти и другие решения, ср. интерпретацию *sem in tja* как фразеологизма в [Gantar 2002, 38].

³ В русском языке в принципе возможно двойное ударение в сращениях, напр.: *дóлгоугра́ющий*, но поскольку в русском языке нет кратких гласных фонем, наличие двойного ударения не мешает восприятию слов с побочным ударением как цельноформленных.

⁴ Й. Топоришич допускает при сращении возможность утраты одного из ударений мотивирующей основы, см.: [Toporišič 2000, 160]. Критерием отделения наречия от наречного словосочетания он считает несводимость значения словосочетания к сумме отдельных частей [там же, 410], однако тот же критерий применим и к фразеологизмам.

⁵ В результате смешения диахронического и синхронического подходов структурно единообразные примеры рассматриваются в [Toporišič 2000, 229, 231] дважды: при описании морфемного способа и при описании сложения (так описаны наречия *hkrati, napoti, ponoči, zdoma, navzgor, navzdol*).

⁶ В обоих языках переход изменяемых форм в наречные — активный процесс, и иногда действительно трудно определить, завершился ли процесс адвербиализации; см. об этом на материале современного русского языка в [Sitarški 2001, 59–69].

⁷ Словенские наречия анализировались методом сплошной выборки из словаря словенского литературного языка (SSKJ), в отдельных случаях учитывались примеры из работ Й. Топоришича, А. Баеца. Русский материал взят в основном из РГ 80 [398–408], а также из работ Е.А. Земской и В.Н. Немченко.

⁸ Наречие *narahlece* можно интерпретировать либо как суффиксальное образование от наречия *narahlo*, либо как префиксальное образование от наречия *rahlece*.

Об отношениях разнопроизводности, или множественной производности, при которой одно и то же слово находится в отношениях производности одновременно с несколькими производящими основами, писалось неоднократно, см., в частности, [РГ 80, 135; Тихонов, Лагутова 1978].

⁹ Русские наречия типа *премילו*, *сверхчисто*, *архимодно*, соотносимые со словенскими наречиями со значением усиления признака, с точки зрения словообразования допускают двойную интерпретацию: 1) как суффиксальные производные от префиксальных прилагательных (транспозиционное значение); 2) как префиксальные производные от наречий (модификационное значение), см.: [Тихонов, Лагутова 1978, 91–92]. В РГ 80 такие образования не рассматриваются среди наречий с усилительным значением. Кроме вышеназванного типа, некоторые ученые включают в словообразовательную категорию наречий со значением усиления признака конфикальные образования типа *покрепче*, *попрямее*, *позффектнее* [Sitarski 2001, 35].

¹⁰ В работе не рассматриваются наречия, образованные от счетных прилагательных, см.: [РГ 80, 404], а также местоимений, см.: [Toporišič 2000, 229], поскольку в наши цели не входило сопоставление русских и словенских отадъективных наречий в полном объеме.

¹¹ В грамматике А. Басца, Р. Коларича, М. Рупеля дается следующее объяснение значения наречий типа *po mestno*, *po domače*: “такое сочетание мы используем только тогда, когда образец поведения выражен прилагательным” [Slovenska slovnica 1956, 246].

¹² Во второй половине XX в. некоторые исследователи русского словообразования говорили о возможности выделения на базе суффикса *-и* суффиксов *-ски*, *-овски*, *-ински*, см.: [Ермакова 1966, 54], однако, по нашему мнению, для этого нет достаточных оснований. В РГ 80 эти суффиксы не выделяются в отдельные группы.

¹³ Трактовка наречия *вблизи* как отсустантивного предложена, напр., в [Немченко 1984, 175]; который при этом не рассматривает вопроса о мотивирующем существительном.

¹⁴ Интерпретацию образований с конфиксами *за-+о*, *на-+о* как отадвербиальных наречий см. в [Историческая типология 1986, 128].

¹⁵ Часть приводимых Й. Топоришичем наречий, образованных “из первичных прилагательных с предлогом + суффикс” [Toporišič 2000, 229] не являются таковыми, так как образованы суффиксальным способом от приставочных прилагательных или от наречий, ср.: *pogost*, *pogosto* – *pogostoma*; *popoln*, *popolno* – *popolnoma*.

¹⁶ Эти наречия нельзя считать образованными от наречий с помощью приставки *po-*, поскольку в словенском языке нет наречий **hitroma*, **tesnoma*.

¹⁷ Наречие *scela* выступает в двух значениях: 1) выражает, что что-то (сделано) из одного куска, 2) полностью. Это дает основания для выделения двух словообразовательных значений, мутационного и транспозиционного, и рассматривать наречие в двух словообразовательных типах. (О принципиальной возможности отнесения разных лексико-семантических вариантов к разным словообразовательным типам см.: [Немченко 1984, 142; Николаев 1989]).

¹⁸ Й. Топоришич приводит также архаичную для современного словенского языка модель *iz-+а* (*izhuda*, *izlepa*, *iznova*, *izgrda*, *iztežka*) [Toporišič 2000, 229]. Ср. приводимый в [Историческая типология 1986, 130] пример подобного рода: *iztiha* (там же приведены наречия с мутационным значением исхождения от признака, названного мотивирующим прилагательным: *izdavna*, *izmlada*, *izrana*). В SSK эти наречия не зафиксированы.

¹⁹ То же относится к словенским наречиям типа *zatrдно, zacelo, zagotovo* и *po-tiho, pomalo, poredko*.

²⁰ В восточных словенских наречиях отмечается также тип с формантами *s-+a* со значением доведенности до признака, названного мотивирующим словом, ср.: *ščista pomesti* 'подмести начисто' (SSKJ).

²¹ Й. Топоришич приводит наречие *krivoma* в качестве причинного [Toporišič 2000, 409], то есть со значением исхождения от признака, названного мотивирующим прилагательным; это наречие не зафиксировано в SSKJ. Учет этого единичного образования существенно не меняет структуру словообразовательной категории наречий с анализируемым значением.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В.В., 1972: *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва.
- Земская Е.А., 1973: *Современный русский язык. Словообразование*. Москва.
- Ермакова О.П., 1966: О некоторых общих вопросах словообразования наречий, in Земская Е.А., Шмелев Д.Н. (ред.), *Развитие словообразования современного русского языка*. Москва, 45–54.
- Историческая типология 1986 = *Историческая типология славянских языков*. Киев.
- Немченко В.Н., 1984: *Современный русский язык. Словообразование*. Москва.
- Николаев Г.А., 1989: Словообразовательная омонимия, in *Бодуэн де Куртэнэ и современная лингвистика*. Казань, 100–105.
- РГ 80 = *Русская грамматика*, т. 1. Москва, 1980.
- Сопоставительное изучение 1987 = *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*. Москва.
- Тихонов А.Н., Лагутова Е.Н., 1978: Множественность словообразовательной структуры наречий, *Русский язык в школе*, 6. 90–93.
- Bajec A., 1954: Prisolovni paberki, *Slavistična revija*, 5–7. Ljubljana, 195–226.
- Gantar P., 2002: Temeljne pvrine zasnove frazeološkega slovarja, *Slavistična revija*, 50(1). Ljubljana, 29–49.
- Markov B., 1989: O prislovih z orodniškim obrazilom v sodobnih slovenskih jezikih, *Slavistična revija*, 37(1–3). Ljubljana, 201–211.
- Sitarski A., 2001: *Структура и функционирование наречий в русском языке новейшего времени*. Poznań.
- Slovenska slovnica 1956 = Bajec A., Kolarič R., Rupel M., (Šolar J.), *Slovenska slovnica*. Ljubljana.
- SSKJ = *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana, 1995.
- Toporišič J., 2000: *Slovenska slovnica*. 4., prenovljena in razširjena izdaja. Maribor.
- Vidovič Muha A., 1988: *Slovensko skladijsko besodotvorje ob primerih zložen*. Ljubljana.
- Vidovič Muha A., 2000: *Slovensko leksikalno pomenoslovje. Govorica slovarja*. Ljubljana.

ELENA MIHAJLOVNA KONICKAJA

**Contrastive description of the formation of adverbs'
in Slovenian and Russian**

This article discusses word-formation issues concerning adverbs in two Slavonic languages. As a Slovenian theory of synchronic formation has not fully developed because of problems in interpreting constructions such as *slej ko prej*, *kratko malo*, and etymologically prepositional constructions, the paper proposes using a word-formation theory developed for Russian as a theoretical basis of comparing Russian and Slovenian adverbs.

Based on material from the *Russian Grammar* and the *Dictionary of Slovenian Literary Language*, the article compares a) relationships between productive and derivative stems, and b) word-formation for adjectival adverbs.

The paper also discusses the considerable range of formal means for expressing various morphological meanings in Russian compared with the situation in Slovenian.